

*«Все долгие десятилетия научной жизни,
вся моя интуиция... всё – за эту глыбу,
за представленную Теном теорию антропогенеза».*

НАТАЛЬЯ БЕХТЕРЕВА

Виктор Тен

ЧЕЛОВЕК БЕЗУМНЫЙ
на грани сознания

Москва
2019

УДК 159.9
ББК 88.3
Т33

Тен, Виктор Викторович.

Т33 Человек безумный. На грани сознания / Виктор Тен. — Москва : Эксмо, 2019. — 384 с.

ISBN 978-5-04-101201-4

Новая книга известного «возмутителя научного спокойствия» Виктора Тена погружает в истоки сознания и глубины психики, куда пытались проникнуть философы, психологи, биологи. Специалисты рекомендуют это исследование как «добротный учебник» по истории психофизиологии. Неожиданный выход из тупика, куда попала наука, не сумевшая в изучении сознания оторваться от обезьяньих рефлексов.

Почему человек — единственное из живых существ на Земле — смог освободиться от власти животных инстинктов? Какую трагедию пришлось пережить ему в переходном состоянии? Благодаря чему безумцу с расщепленной психикой, *Homo sapiens*, удалось преодолеть первобытную шизофрению? Автор доказывает, что наш вид спасли не труд, не охота за дичью или падалью и даже не груминг, а... любовная страсть. Развитие теории, основанной на выдающихся открытиях отечественной психологии и получившей поддержку ученого с мировым именем Натальи Бехтеревой.

УДК 159.9
ББК 88.3

© В. В. Тен, 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-101201-4

ПРЕДИСЛОВИЕ

Новая книга Виктора Тена развивает идеи, впервые изложенные им в книге «Из пены морской. Инверсионная теория антропогенеза» (2005) и серии статей в рецензируемых журналах. Автор переосмысливает всю трудную историю психофизиологии с тех пор, когда она еще не оформилась как наука. Признаюсь, мне не приходилось видеть книг, где проблема истока сознания, поставленная Декартом и не решенная до наших дней, была бы изложена столь емко и столь кратко. При этом автор поднимает и переворачивает пласты, в которых давно никто не «копался». Проявляя на зависть свободное владение материалом, он переосмысливает наследие Л. Леви-Брюля, Э. Кречмера, Ж. Пиаже, А. Валлона, В. Джемса, В. Кёлера, Ч. Шеррингтона, З. Фрейда, К. Юнга и других известных психологов и психофизиологов. Он удивляет находками и проникает в самую суть.

Импонирует, что автор подчеркивает вклад российских ученых: И. Павлова, В. Бехтерева, А. Введенского, А. Ухтомского, Б. Поршнева и других. Как выпускнику факультета психологии МГУ мне был крайне интересен пересмотр позиции Л. Выготского, ведь на факультете был и остается его «культ». Книгу смело можно считать добротным учебником по истории психофизиологии. При этом в книге представлены и последние открытия в

области нейрофизиологии, психофизиологии, психоанализа (Ж. Лакан, Д. Деннет, Д. Чалмерс и др.).

Если обсуждать концепцию книги, то она, безусловно, состоятельна и может послужить основой для дальнейших открытий в решении трудных проблем сознания. Многие идеи Виктора Тена, на мой взгляд, парадоксальны до гениальности. Предложенное им решение происхождения сознания ново, интересно и правдоподобно.

В. Тен разговаривает с читателем просто как с умным человеком, без политесов и беспредельного пиетета к авторитетам, чего избегают исследователи, опасющиеся за свою карьеру. Это значит, что он пишет не ради карьеры в науке, а ради самой науки, что в наши дни тоже редкость.

*Д-р М. Глазунов,
Хартфордширский университет, Англия*

Глава I
ПРОБЛЕМА СОЗНАНИЯ
В ИСТОРИИ

С чего начать?

Можно привести целый список мыслителей, начиная с Будды, Сократа и Лао Цзы, в трудах и опытах которых проблема истока и сущности сознания не просто явлена, но является главной темой. О научном мышлении следует говорить начиная с Декарта, ибо до него предметом раздумий являлось не сознание, а дух и душа. Это знание являлось эзотерическим и выходило на духовные практики.

Во времена Декарта монополию на предметную область духовного крепко держала в своих руках церковь. Любая попытка иной — не богословской — постановки вопроса рассматривалась в качестве сурово наказуемой ереси.

Декарт избежал обвинения, обозначив мышление в качестве «другой» субстанции, что формально не означало покушения на предмет теологии. Предмет был не изменен, но подменен. Душа, предмет богословия, отошла на второй план, на первый план вышло мышление, и благодаря этому стала возможна светская наука.

Благодаря Декарту была создана видимость, будто наука, занимаясь мышлением, души не касается. Формально это выглядело не более чем обособление предмета науки от предмета теологии. Богословы проглядели, когда у них очень хитро отобрали монополию, внешне даже не покушаясь на нее. Не последнюю роль в успехе уловки

Декарта сыграло то обстоятельство, что полемическая часть его сочинений была направлена против набиравшего силу эмпиризма (Локк и др.), с которым церковь тоже боролась. Хитер был Декарт: боролся с церковью, на словах попирая ее врагов.

Впрочем, он в самом деле видел узколобость английского эмпиризма, который потом перейдет в английский позитивизм, потом произведет на свет американский бихевиоризм и прочие довольно скучные явления, которые можно в лучшем случае считать мелкой наукой по фактологии и большой глупостью по идеологии.

Знание Декарта основывалось на первичном *принципе очевидности*, основанном на непосредственной достоверности. То, что очевидно (*ideae clarae*), первенствует над приобретенным посредством опыта, который всегда вторичен. Эмпиризм же доказывал первичность опыта.

Что первично, что дано нам, как познающим субъектам, до опыта? Мысль, что Я есть. Рефлексия мышления о себе самом является, согласно Декарту, самым убедительным доказательством существования (*cogito ergo sum*). Это и есть первая субстанция по Декарту. «...Я — субстанция, вся сущность которой состоит в мышлении...» — пишет он. (Декарт, 1989. С. 269.) Вторая субстанция — это внешний мир, бытие во всей его целостности. Декарт много думал, чем, в самом главном пункте, различаются Мысль и Бытие, и пришел к выводу, что это отсутствие или наличие протяженности. Мысль не имеет протяженности, она бесконечна и неизмерима. Главным признаком второй субстанции является наличие измеряемых объектов. Отсюда позднейшие искажения идей Декарта французскими материалистами, которые вторую субстанцию Декарта назвали «материей», подразумевая вещный мир, который можно потрогать и взвесить. Но Декарт имел в виду не это. Он читал Платона, Плотина и

отнюдь не был уверен в материальной вешности второй субстанции. А вот протяженность есть, она очевидна, потому что все вещи занимают места, поэтому он так и назвал вторую субстанцию: «протяженность».

Массы, возможно, нет, а протяженность есть, потому что материя *имеет место* быть, тогда как мысль есть, *не имея места* быть. Вот такой парадокс, друг гения Декарта.

«...В истине положения *Я мыслю, следовательно, я существую* меня убеждает единственно ясное представление, что для мышления надо существовать, — пишет Декарт. — Я заключил, что можно взять за общее правило следующее: все представляемое нами вполне ясно и отчетливо, — истинно». (Декарт, 1989. С. 269.)

Сознание не исчерпывается мышлением, как считал Декарт. Не все феномены сознания можно отождествлять с мышлением, основным признаком которого, согласно Декарту, является логос. Существуют гипнотические состояния сознания, когда мышление расщепляется. Существует т. н. «парадоксальный сон», когда объективно регистрируются ЭЭГ-паттерны бодрствования, столь же ярко выраженные ритмы и те же самые ритмы, что и во время интенсивного мышления, но о мышлении в глубоком сне говорить не приходится, а парадоксальный сон является самой глубокой фазой сна. Существует шизофреническое сознание, где тоже отсутствует Я как константа. Отсутствует Я у детей до определенного возраста, а также у многих первобытных людей. Теряется Я также в состояниях транса и экстаза, вызываемого разными причинами, включая наркотическое опьянение. «Экстаз» означает буквально «выход из себя», а «транс» — это сокращение от «трансценденция», т. е. выход в «другое» сознание. То, что Декарт провозгласил в качестве первичной очевидности, — это качество взрослого, логически мыслящего, нормального человека в состоянии бодрствования, четко осознающего свое Я.

Выходит, что начало, предложенное Декартом, — это на самом деле не начало, несмотря на его допытную очевидность. Это достижение долгого пути развития сознания, но именно поэтому с него и следует начинать реконструкцию пути, пройденного человечеством к самому себе, к своему Я, к обретению логического мышления. Об этом пишет сам Декарт:

«Подобно тому как плоды собирают не с корней и не со ствола дерева, а только с концов его ветвей, так и особая полезность философии зависит от тех ее частей, которые могут быть изучены только под конец». (Декарт, 1989. С. 309.) В его времена вся наука называлась философией.

Далее позволю себе автоцитату из книги о происхождении человека.

«Самое очевидное различие между религией и наукой в методах познания заключается в следующем: *религия всегда начинается с начала, наука начинается с конца*. «В начале было Слово», — говорит религия, и далее следует цепь непроверяемых утверждений. В них можно верить, но проверить нельзя. Наука начинается с конца, т. е. с очевидного, с актуального и идет в глубь времен, разматывая клубок».

Данное различие было впервые сформулировано мной 8 лет назад (Тен, 2011. С. 36), но до сих пор не потеряло актуальности ввиду продолжающихся попыток представить наукой теорию, начавшую с того, что обезьяна была назначена предком человека, тогда как начинать поиск наших предков следует с анализа человеческого организма. С самого себя, как конца эволюции, сущего на настоящий момент. Привязывать человеческий организм к ландшафту зарождения, а потом восстанавливать ход эволюции. Это и есть начало антропологии как науки: с конца. Ход эволюции восстанавливается, начиная с его результата. Это общий путь всех подлинных наук.

К «соотношению неопределенностей» физики пришли, начав с соотношения определенностей: с того, что Архимед опустил скрупулезно измеренный кусок металла в чашку с водой и столь же дотошно измерил количество вытесненной жидкости. Так появился первый физический закон — закон Архимеда. Физика началась с космической золы, с того, что уже давным-давно прогорело и является результатом эволюции звезд. Химия тоже началась с исследования космической золы (металлов) алхимиками и дошла до органических молекул, которых нет в золе звезд. Геология началась с принципа актуализма, сформулированного Ч. Лайэлле («настоящее есть ключ к прошедшему»). Эволюционная биология началась с восстановления предковых видов современных животных, исходя из морфологии последних.

Эволюционная антропология как наука появилась в 2005 г. в виде инверсионной теории антропогенеза (В. Тен, 2005, 2011, 2013). Она, как и положено науке, начала с конца: с современного человека, с его анатомо-физиологических особенностей.

А с чего должна начинаться эволюционная психология? Разумеется, тоже с конца, а не с начала, и *таким концом является выявленная Декартом очевидность Я*. Теория психогенеза должна начинаться с этого конечного результата развития психики, которого у наших животных предков не было, точно так же как теорию морфогенеза человека мы начинаем с очевидного: с тела современного человека.

Зарождение психологии как науки

Лейбниц, опираясь на Декарта, ввел понятие о мышлении как об интеграле, а не простой арифметической сумме, которая характеризует протяженность. Лейбниц

исходил при этом из противоположности протяженности и мышления: если к протяженности применимо суммирование, то к мышлению — нет.

Лейбница часто причисляют к критикам Декарта, тогда как он на самом деле развивал картезианство. Впрочем, элемент критики тоже имел место быть: Лейбниц, в отличие от Декарта, признавал немыслимое (то, что Фрейд потом включил в понятие о подкорковых явлениях) в сфере психического, т. е. в его теории уже наметился отход от субстанциальности мышления, переход к более широкому понятию «сознание».

Впоследствии, еще нерелективно, вместо декартова «мышления» в трудах ученых и философов стало фигурировать «сознание», по крайней мере по смыслу. Вместо «протяженности», как уже отмечено, с подачи французских материалистов стала фигурировать «материя».

«Декартова пропасть» между сознанием и материей является началом разделения наук на гуманитарные и естественные с их собственной вторичной «пропастью». В эту пропасть, штурмуемую с обеих сторон, ссыпалось великое множество теорий. С одной стороны, естествоведы-материалисты пытались очень просто объяснить сознание своими методами, вплоть до движения частиц. С другой стороны, идеалисты пытались не менее просто объяснить материю, исходя из Я. (Чего стоят одни «Картезианские размышления» Э. Гуссерля, которые смело можно называть «Антикартезианскими размышлениями», учитывая старания, приложенные основателем феноменологии к тому, чтобы затушевать «пропасть Декарта».)

С подачи Декарта предметом новой, нецерковной науки о психике, вместо таких понятий как дух и душа, стало сознание, а основным методом исследования его — интроспекция. Это «внутри-себя-копание» или «внутри-себя-смотрение»; исследование «в-себе-бытия» сознания самим сознанием. Этот, с позволения сказать,

«метод», впоследствии получивший название «субъективного метода» (ибо о какой объективности можно здесь говорить?), надолго стал единственным методом нарождающейся психологии.

С началом эпохи Просвещения началось повальное увлечение образованных людей анатомией. Появилось понятие «анатомический театр», кощунственное в своей основе. Художники писали картины на тему «расчлененки» (пример: шедевр Рембрандта «Урок анатомии доктора Тюльпа»). Воровство свежих трупов с кладбищ приняло характер одновременно общественного бедствия и бизнеса. Светские люди приглашали друг друга на сеансы расчленения, как на чашку чая или кофе, и кромсали трупы, попивая чай и кофе с «конфетками». Домашний анатомический театр считался таким же элементом престижа, как раззолоченный экипаж или немислимой высоты прическа. Шатобриан, живший в Париже на улице, ведущей к кладбищу, не мог спать по ночам. Всю ночь напролет под его окнами гремели по бульжной мостовой повозки с выкопанными из земли трупами. Днем на кладбище везли умерших, подсчитывая затраты на похороны, ночью обратно везли свежие трупы, подсчитывая прибыли от реализации в анатомические театры. Европа уже тогда начала потихоньку сходить с ума на почве бездушного умствования и бизнеса, потерявшего совесть. Трудно представить себе подобное поведение православных людей или мусульман как массовое явление.

Успехи анатомии позволили конкретизировать предмет еще не рожденной науки психологии, вследствие чего психофизическая проблема была заменена психофизиологической.

«Декартова пропасть» как проблема «сознание/бытие» осталась философии. Предметом новой науки становилась дихотомия «сознание/тело человека», или, точнее, «сознание/сома». Последнее позволяет учиты-

вать функцию, т. е. не только анатомический, но и физиологический аспект. Это особенно важно, ибо внимание исследователей сфокусировалось на физиологическом обеспечении актов сознания. Начало развиваться учение о рефлексах (впервые это слово употребил Декарт), стали появляться программы построения психологии как опытной науки. При этом интроспекция долго еще оставалась единственным методом. Ученые делали те или иные выводы, испытывая и изучая самих себя, опираясь на акты собственного сознания.

Страной, где подобные исследования получили максимальное распространение, стала Германия, а апологетом интроспекции стал профессор В. Вундт, создавший огромную школу, которая рассыпалась еще при его жизни, потому что наука на базе интроспекции невозможна. У каждого исследователя и каждого испытуемого — свое Я, которое вмешивается в процесс интроспекции, так что получается картина личных мнений, а не объективных фактов. Тогда впервые на повестку дня встала проблема объективного метода в изучении феноменов сознания.

Постановка проблемы объективного метода является началом *науки* психологии. Несмотря на то что автором понятия о рефлексе является Декарт, говорить в его время о психологии как отдельной науке не приходилось. Сердцевиной науки является ее методология, ибо — если подходить строго — все науки изучают один предмет: Универсум. Различия касаются только метода.

В современной теории науки принято считать, что началом ее является формирование собственного категориального аппарата. На мой взгляд, это заблуждение. Категориальный аппарат — критерий скорее количественный, чем качественный. Например, в современной физике он настолько отличен от времен Ньютона, что два физика, оперирующие категориями разных времен, не поймут друг друга. Зато категориальный аппарат квантовой фи-

зики, неприменимый к физике твердого тела, адекватно характеризует явления сознания (Эдди, Н. Бехтерева, Пенроуз, Картрайт, Шимони, Каку и др.), — поговорим об этом ниже. При этом мы знаем: замены и нововведения совершаются постепенно. Еще показательней ситуация в философии. Каждый сколько-нибудь значимый философ создает собственный категориальный аппарат. Философ, оперирующий категориями Гегеля, отрицает категориальный аппарат Канта, а кантианец не воспринимает категориальный аппарат Гуссерля.

От интроспекции к бунту против сознания

Школа Вундта дала весьма значимый отрицательный результат. В 70-х годах XIX в. психология стала претендовать на звание самостоятельной науки, вооруженной объективным методом, благодаря системному учению о рефлексах, которое начал разрабатывать И. Сеченов.

Для того чтобы узнать, что представляет собой то или иное явление, надо узнать, как оно возникло. И. Сеченов первым поставил вопрос о сознании в таком разрезе. Он поставил задачу создания новой психологии как науки, основанной на объективном методе, «родной сестры физиологии».

«Все акты сознательной и бессознательной жизни по способу происхождения суть рефлексy», — считал он. Сеченов выдвинул интересную идею об акте сознания как о «незавершенном рефлексe», то есть не доведенном до физического действия ответе организма на внешний стимул.

Сравнивая реакции детей, животных и взрослых разумных людей на раздражения, например боль, Сеченов пришел к выводу о наличии в мозге механизма задерживания рефлексов, которые так и назвал «задерживате-